

ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ

Веч. Ленинград 24 апр. 1975

50 лет отдал сценическому искусству народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР А. Ф. БОРИСОВ. Наш корреспондент В. Потемкин встретился с юбиляром и попросил поделиться мыслями о театре, рассказать о своей творческой жизни.

— Александр Федорович, из триады «драматургия — режиссер — актер» кого бы вы поставили на первое место!

— Вспоминая в таких случаях слова Немировича-Данченко: «Театр — это актер, хотя бы ведущая роль принадлежала драматургу, и театральное искусство есть прежде всего актерское искусство».

— Когда-то и Станиславский утверждал, что режиссер должен «умереть» в актере. Но, как известно, он высказывал и другую точку зрения: режиссер — личность, и его личностное начало непременно должно сказаться в спектакле.

— Роль режиссера в спектакле современного театра необыкновенно велика, пожалуй, намного значительней, чем во времена Станиславского и Немировича-Данченко. Но сегодня появилось много режиссеров, которые стараются абсолютизировать свою роль в театре, тем самым принимая роль и значение актера. Часто режиссер в угоду своей модной концепции «надламывает», искажает до неузнаваемости драматическое произведение. Мне всегда больно видеть такие спектакли.

Режиссер имеет право на эксперимент. Без этого не может развиваться театральное искусство. Но в спектакле все должно быть органично — и мысль, и форма. Если какой-то элемент формы не убеждает, навязчиво мелькает на сцене — значит, это плохо. Мне довелось работать со многими замечательными постановщиками — Николаем Васильевичем Петровым, Владимиром Платоновичем Кожичем, Леонидом Сергеевичем Вивенном и режиссерами молодого поколения. Они искали, пробова-ли, десятки раз отказывались от найденного. В процессе поиска, в который были включены и актеры, мы находили верное решение. Когда же режиссер це зажигает нас, исполнителей, своим замыслом, не приглашает актеров к со-творчеству, то, как правило, спектакли не удаются.

— Часто от режиссеров можно слышать о падении творческой активности некоторых актеров, о некоем «индивиденстве». Актер до-тошно дотыпывается у постановщика спектакля: «А какой должен быть у меня образ! А что я должен делать на сцене в этот момент!» Не кажется ли вам это следствием плохого «режиссерско-го театра», когда режиссер много выполняет за актера!

— Вероятно, это еще и недо-статок воспитания в театральных институтах. Много, очень много за будущего актера делают педагоги. Придумывают концепцию образа, пластическое выражение характе-ра.

Об актерской молодежи мне хо-телось бы сказать больше. Я не

принадлежу к тем артистам стар-шего поколения, которые считают, что после их ухода из театра ис-кусство обеднеет и неизбежно стан-ет хуже. Нет. К нам в театр и на другие ленинградские сцены в последние годы пришло много та-лантивых артистов. В театраль-ных институтах их довольно хоро-шо обучили умению органично войти в образ. Но во многих те-атрах (да и на сцене нашего Ака-демического театра драмы имени Пушкина) много молодого акте-ра не слышишь, даже если сидишь в 10-м ряду партера. Жесты его мелки, невыразительны. Говорят, что это последние влияния кино, телевидения, приучающих те-атрального актера к максимальной жизненной правде. Мне же кажет-ся, что одно другому не мешает. Причину я вижу в ином — в сла-бой актерской технике. По своему опыту хорошо знаю, что без тех-ники трудно, очень трудно наибо-лее полно и ярко выразить замы-сел образа, свою гражданскую по-зицию.

С благодарностью вспоминаю своего учителя, замечательного артиста Юрия Михайловича Юрье-ва, артистов, которым я подражал (нет, не их актерской манере, а принципиальной гражданской по-зиции). — Екаторину Александров-ну Корчагину-Александровскую, Владимира Николаевича Давыдова, Иллариона Николаевича Певцова. В их творчестве гармонично соче-тались очень высокое мастерство и гражданственность актерской позиции. Они блестяще раскрыва-ли внутреннюю жизнь своих пер-сонажей, сложные изменения пси-хологии и умели крупно, масшта-бно характеризовать сценического героя. Вот почему, полагаю, граж-данское воспитание артиста — это центральное звено в профессио-нальном воспитании. Без творче-ского осмысления событий, без идейного обогащения не может состояться большой артист-худож-ник.

— Александр Федорович, вам часто приходится играть роли пар-тийных и советских работников. Зрителям старшего поколения хо-рошо запомнились созданные ва-ми образы Михаила Ивановича Калинин в фильме Довженко «Жизнь в цвету» и партийного ра-ботника Чеканова в пьесе Ни-колаевой и Радзинского «Высокая волна». Расскажите, пожалуйста, как вы работаете над образом.

— Нам, актерам, пришедшим в театр в 20-х годах, выпала боль-шая честь и ответственная задача воплотить на сцене образ чело-века новой общественной форми-ции. В 1930 году я сыграл пер-вую такую большую роль — ин-женера Бориса Волгина в пьесе Афиногенова «Чудак». Человека целеустремленного и жизнерадост-ного, инициатора первой бригады

антисоциал. производств. Его об-раз был собирательным. Я всегда ставил перед собой задачу создать образ обобщенный, раскрыть ге-роизм, идейность, скромность и духовное обаяние советского чело-века. Тщательно изучал жизнь Вла-димира Ильича Ленина, Михаила Ивановича Калинин, Сергея Ми-роновича Кирова и других выдаю-щихся деятелей Коммунистической партии. Наиболее яркие черты их характеров использовал, создавая образ партийного или советского работника. Считаю, что моя глав-ная актерская задача — показать духовно богатых героев, которым небезразличны судьбы людей. А уж коль встречается в жизни эта-кие «механические» исполнители доверенной им власти — такие черты были в моем директоре стро-ительства Добротине, персонаже из спектакля «Мария», — то не-пременно надо показать мое отно-шение к ним.

— В годы Великой Отечествен-ной войны вы с коллегой по теат-ру Константином Игнатьевичем Адашевским на радио создали об-разы веселых бойцов-разведчиков Ветеркова и Шмелькова, централь-ных персонажей сатирической пе-редачи «Огонь по врагу». Расска-жите, пожалуйста, о ней.

— Еще до эвакуации нашего те-атра в Новосибирск режиссер Ле-нинградского радио Иван Ермаков предложил мне принять участие в сатирической передаче. Тогда родился мой образ Сени Ястреб-кова, летчика, смело разящего за-хватчиков и боевым, и сатириче-ским оружием. В передаче прини-мал участие мой давний друг ко-мпозитор Василий Павлович Со-ловьев-Седой. На радио я пер-вые исполнил его песню «Играй, мой баян», ставшую позже попу-лярной среди воинов. Приехал в Новосибирск, в глубокий тыл, мы, артисты, искали возможность вне-сти свою лепту в борьбу советско-го народа. Вот тогда с Констан-тином Игнатьевичем Адашевским и решил продолжить традицию Ленинградского радио и отклик-нулись на предложение воплотить в передаче «Огонь по врагу» об-разы Ветеркова и Шмелькова. Большую, очень большую помощь нам оказал известный сибирский баянист Иван Маланин.

Еженедельно звучала наша пе-редача. Мы получили сотни писем и до сих пор храним их. Сейчас, в канун праздника Победы, пере-читали их и снова убедились в том, что радиотеатр, как и эстра-дный театр, — мобильное и чрез-вычайно действенное искусство.

— Вы и сейчас не порываете с эстрадой и радио.

— Да, радио и эстрада помога-ют актеру наиболее полно выра-зить себя. На эстраде я сделал «Рассказ о безответной любви» по Горькому. Много времени потра-тил на воплощение одного из лю-бимых произведений Твардовского «Страна Муравия». Наиболее пол-ное творческое и моральное удов-летворение получил, работая для радио над поэмой Симонова «Иван да Марья». Пришло более тыся-чи писем — откликов радиослуша-телей. Они пишут о моральном долге советского человека, о вы-соких чувствах, верности.

Есть у меня и заветная мечта — сыграть на сцене человека со сложной судьбой, человека духов-но значительного.

Сегодня в Академическом теат-ре драмы имени А. С. Пушкина состоится творческий вечер, посвя-щенный семидесятилетию со дня рождения и пятидесятилетию сцени-ческой деятельности А. Ф. Бо-рисова.